

НЕИЗДАННЫЕ ТЕКСТЫ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

I. ДОБРОЛЮБОВ — ПЕРЕВОДЧИК ФЕЙЕРБАХА

Публикация С. Рейсера

1. МЫСЛИ О СМЕРТИ

ВВЕДЕНИЕ

В истории европейской цивилизации можно различить три эпохи веры в бессмертие. Первая была у греков и римлян. Они не верили в личное бессмертие и даже не понимали бессмертия в нашем смысле*.

Римлянин жил только в Риме; душа его заключалась в Риме, весь круг его зрения ограничивался Римом; он не знал другой жизни, кроме настоящей жизни государства и народа. Самое далекое и идеальное стремление личности состояло в том, чтобы возвеличить Рим, расширить в беспредельность его могущество, утвердить его на будущее время: что же касается собственного лица — оставить о нем благодарное воспоминание в потомстве. Римлянин никогда не ставил своего Я вне действительной общественной жизни и выше ее, и на этой высоте всеобщности никогда не считал себя чем-нибудь существенным и необходимым. Римлянин было — душа римлянина, личность римлянина; сам для себя он ничего не значил, только в единении с своим народом, только в нем и через него он был чем-то и сознавал себя чем-то...

2. ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА ВООБЩЕ

Религия опирается на существенное различие человека от животных: у животных нет религии. Древние зоологи, принимая все без критики, полагали, что у слонов, в числе прочих похвальных качеств, существует также и религиозное чувство; но религия слонов принадлежит, очевидно, к области вымыслов. Кювье, один из величайших знатоков животного царства, основываясь на собственных наблюдениях, ставит слонов в отношении к духовным способностям не выше собаки.

* Они без сомнения знали о нем, но это было для них только представление, фантазия, гипотеза, на ряду с которой стояло противоположное мнение, как равно возможное, равно оправдываемое. Отличительное убеждение древних, к которому они всегда приходили наконец и при котором оставались, состояло в том, что смерть не есть зло.

Но в чем же заключается это существенное отличие человека от животных? Самый простой и общий, самый популярный ответ на это заключается в слове: «сознание (Bewusstsein),—но сознание в тесном смысле, потому что сознание в смысле самоощущения...

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Шифр: 1906. VIII с. Княжнин № 78.

Первый из публикуемых отрывков является дословным переводом первых 20—25 строк работы Людвиг Фейербаха «Gedanken über Tod und Unsterblichkeit» (1830) (глава I—«Todesgedanken»). Перевод сделан несомненно с немецкого оригинала—вероятнее всего в руках Добролюбова было проникшее в Россию издание: Ludwig Feuerbach's Sämmtliche Werke. Verlag von Otto Wigand. Dritter Band, Leipzig, 1847.

Едва ли Добролюбов мог пользоваться редким анонимным изданием: «Gedanken über Tod und Unsterblichkeit. Aus den Papieren eines Denkers...» Nürnberg, 1830.

В описании В. Н. Княжнина автор и название оригинала не указаны, хотя отрывок и описан рядом с наброском перевода Добролюбова из другой работы Фейербаха: «Das Wesen des Christentums». Этот отрывок публикуется также по рукописи ИРЛИ. Перевод соответствует первым 10—15 строкам оригинала и сделан с одного из многочисленных изданий 40-х или 50-х годов (точнее указать затрудняемся).

Представление о том, каким образом знакомилась с Фейербахом в России в 50—60-х годах, может дать следующий отрывок из воспоминаний А. Н. Пыпина:

«Около этого времени в Петербурге... очень широко обращалась... социалистическая литература, конечно, строго запрещенная. Один книгопродавец, Лури, вел торговлю этой контрабандой даже очень неосторожно, и, уличенный в ней, был сослан из Петербурга. Но эта ссылка не остановила контрабанды. Я очень хорошо помню особого рода букинистов-ходебщиков—тип, с тех пор исчезнувший (он становился ненужен). Эти букинисты, с огромным холщевым мешком за плечами, ходили по квартирам известных им любителей подобной литературы... и, придя в дом, развязывали свой мешок и выкладывали свой товар: это бывали сплошь запрещенные книги, всего больше французские, а также немецкие. Книги они продавали на довольно льготных условиях, например с рассрочкой; когда книга была прочитана и владелец не желал удерживать ее, букинист покупал ее обратно, конечно, по пониженной цене... Кажется независимо от этих negociантов Н. Г. <Чернышевский> мог тогда приобрести сочинения Фейербаха, как помню, в свежих, неразрезанных экземплярах. Тогда я в первый раз познакомился с его сочинениями: эта сильная и решительная логика казалась мне гораздо более привлекательной, чем фантастика французских социалистов». («Мои заметки», М. 1910, стр. 68—69).

Добролюбов, М. И. Шемановский и др. несомненно пользовались запрещенными изданиями, которыми их ссужал В. Лаврецов, заведывавший библиотекой для чтения Крылова (бывш. Смирдина, впоследствии Крашенинникова), именно за это сосланный в Вятку. См. «Материалы...», стр. 499 и сл.

Датировать публикуемый отрывок можно лишь предположительно. Судя по бумаге и почерку, следует думать, что он относится к институтскому периоду жизни Добролюбова, приблизительно к 1855 г. Наша догадка подтверждается свидетельствами институтских товарищей Добролюбова М. И. Шемановского и Б. И. Сциборского.

М. И. Шемановский сообщает, что в кружке студентов Пед. Ин-та, душою которого был Добролюбов, «переводились... некоторые сочинения с иностранных языков на русский» (стр. 274 наст. тома).

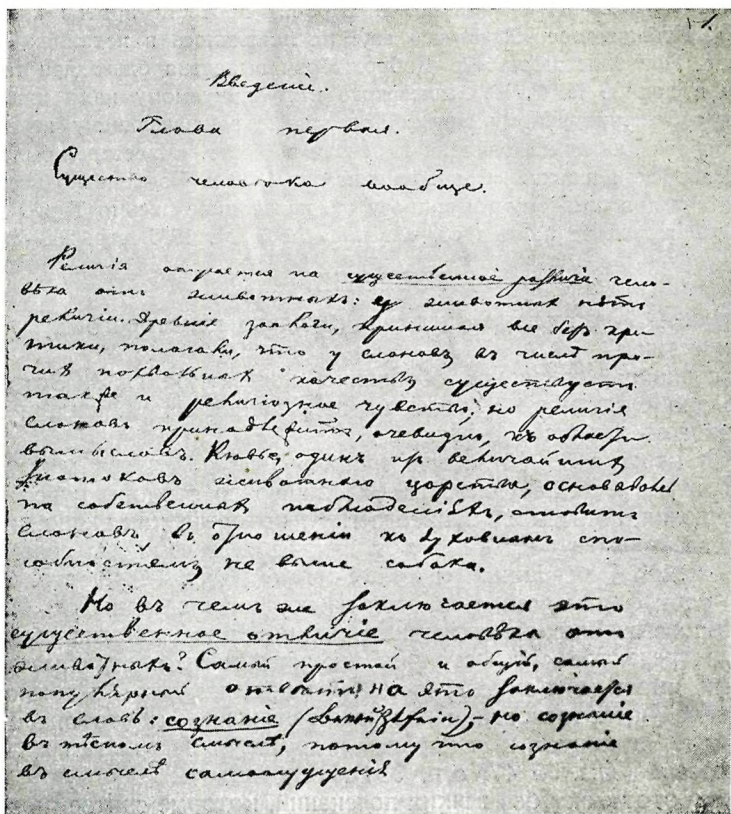
Еще подробнее свидетельство Б. И. Сциборского: «Полученная книга с жадностью и с наперед заготовленным доверием к ней прочитывалась в кружке и была предметом очень серьезных толков, пока, наконец, факты, заимствованные из нее, не проходили через критику читателей... Если же эта книга была на одном из иностранных языков, то, смотря по достоинству ее, иногда общими силами переводилась буквально вся и после прочитывалась в кружке, иногда же читалась для всех владевшими этими языками вслух по-русски, а часто один кто-нибудь брался за прочтение всей и перевод замечательнейших мест и потом в кружке подробно излагал содержание ее и прочитывал переведенные отрывки. Н. А. в этом случае был одним из ревностнейших и трудолюбивейших».

вейших деятелей. Я думаю, в его бумагах и теперь можно было бы найти следы этих трудов...» (стр. 306).

Свидетельство очень точных воспоминаний Б. И. Сциборского исчерпывающе разъясняет назначение публикуемого отрывка.

3 августа 1851 г. Добролюбов иронически писал В. В. Лавровскому: «Ваша голова издавна заперта наглухо для пагубных убеждений и Вас не совратит с Вашего пути ни Штраус, ни Бруно Бауэр, ни сам Фейербах, не говоря уже о каком-нибудь Герцене или Белинском». («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова...», т. I, стр. 324).

Если вспомнить, что это письмо является обзором истории умственного развития Добролюбова примерно с половины 1854 г. (после смерти отца), то станет

ПЕРЕВОД Н. А. ДОБРОЛЮБОВА ИЗ РАБОТЫ ФЕЙЕРБАХА
«СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА»

Институт Литературы, Ленинград

ясным, что к августу 1856, т. е. вскоре после знакомства с Н. Г. Чернышевским и, независимо от него, вероятно через Белинского и Герцена, Добролюбов был уже хорошо знаком с учением германского философа. Подробное изучение влияния Фейербаха на Добролюбова см. в монографии Валерьяна Полянского «Н. А. Добролюбов». «Academia», 1933, стр. 92 сл.

Добролюбов и позднее неизменно пропагандировал Фейербаха среди своих товарищей и молодежи. См. письмо А. П. Златовратского к Добролюбову 1857 г. («Материалы...» стр. 394), неизданное письмо И. И. Бордюгова к Добролюбову, написанное между 17—23 декабря 1858 (ИРЛИ, ср. Книжкин № 193), свидетельство М. А. Антоновича 1859 г. («Шестидесятые годы». М. А. Антонович. Воспоминания. Вст. статьи и редакция В. Е. Евгеньева-Максимова и Г. Ф. Тизенгаузена «Academia», 1933, стр. 138) и т. д.